

УДК 001

DOI: 10.31249/scis/2023.02.01

Введенская Е.В.*

ПАНДЕМИЯ COVID-19: ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ НАУКИ И КРИЗИС ЭКСПЕРТНОГО ЗНАНИЯ

Vvedenskaya E.V.

THE COVID-19 PANDEMIC: THE DEMOCRATIZATION OF SCIENCE AND THE CRISIS OF EXPERT KNOWLEDGE

Аннотация. В период пандемии COVID-19 демократизация науки стала особенно актуальной, поскольку сотни тысяч исследователей и экспертов во всем мире в условиях неопределенности работали над разными аспектами болезни и методами лечения, и ускорение научных открытий и их распространение стало жизненно необходимым. Один из примеров демократизации науки в период пандемии COVID-19 – предоставление открытого доступа к научным данным и публикациям, что имело как позитивные, так и негативные стороны. Пандемии сопутствовал феномен постправды: в формировании общественного мнения и принятии решений эмоции, личные убеждения и мнения становятся более влиятельными, чем факты и доказательства. Продемонстрировано, что данный феномен имеет серьезные последствия для общества: он приводит к распространению дезинформации, подрывающей общественное доверие к институтам и науке. Пандемия усугубила

* *Введенская Елена Валерьевна* – кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия; vvedenskaya.elena@gmail.com

Vvedenskaya Elena V. – PhD in Philosophy, Assistant professor, Leading Researcher at the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; vvedenskaya.elena@gmail.com

кризис экспертного знания, являющийся результатом не только проблемы участия широкой общественности в продуцировании и распространении знаний, но и неизбежной политизации экспертных знаний. Сама концепция истины оказалась встроенной в социальный, исторический и политический контексты, свидетельствуя о том, что не существует нейтральной точки зрения, с которой можно было бы оценивать притязания на знание. В результате научная экспертиза становится не объективным источником власти, а еще одной формой власти.

Ключевые слова: пандемия COVID-19; демократизация науки; биополитика; кризис научного знания; постправда; протнаука; партисипативность.

Abstract. During the COVID-19 pandemic, the democratization of science has become especially urgent, as hundreds of thousands of researchers and experts around the world have been working on various aspects of the disease and treatment methods under conditions of uncertainty, and the acceleration of scientific discoveries and their dissemination has become vital. One example of the democratization of science during the COVID-19 pandemic was the provision of open access to scientific data and publications, which had both positive and negative sides. The pandemic was accompanied by the phenomenon of post-truth, when emotions, personal beliefs and opinions become more influential than facts and evidence in the formation of public opinion and decision-making. It is demonstrated that this phenomenon has serious consequences for society, leading to the spread of misinformation that undermines public confidence in institutions and science. The pandemic has exacerbated the crisis of expertise, resulting not only from the problem of the participation of the general public in the production and dissemination of knowledge, but also the inevitable politicization of expertise. The very concept of truth turned out to be embedded in the social, historical and political context, indicating that there is no neutral point of view from which to evaluate the claims to knowledge. As a result, scientific expertise becomes not an objective source of power, but another form of power.

Keywords: COVID-19 pandemic; democratization of science; biopolitics; crisis of scientific knowledge; post-truth; protscience; participation.

Введение

Пандемия COVID-19, которая вспыхнула в конце 2019 г. и долгое время продолжала оказывать существенное влияние на мировое сообщество, выявила не только проблемы в области здравоохранения, экономики и социального благополучия, но и вызвала глубокое потрясение в сфере научного познания. Она подняла важные вопросы о природе научного знания, его доступности, прозрачности и доверии общества к экспертам. В результате пандемия COVID-19 оказала значительное влияние на саму сущность науки, ставя под сомнение традиционные структуры и иерархии и предоставляя возможности для демократизации научного процесса.

Однако процесс демократизации науки также сопровождался вызовами и противоречиями. Возросшая информационная нагрузка и наличие множества мнений способствовали распространению непроверенной или ошибочной информации, нанося вред обществу и подрывая доверие к науке. Остро проявился кризис экспертного знания, ставящий вопрос о том, как определять надежность и достоверность научных исследований, особенно в условиях быстро меняющейся ситуации, когда эксперты сталкиваются с неизвестными и непредсказуемыми явлениями.

Особое внимание в статье уделено рассмотрению дилеммы между демократизацией науки и поддержанием высокого уровня экспертности и надежности знания. Предметами исследования являются демократизация науки и кризис экспертного знания, вызванные пандемией COVID-19. Рассматриваются влияние пандемии на научную сферу, изменения в структуре научного процесса, а также взаимодействие между научным сообществом и общественностью.

Цель исследования: анализ и понимание процессов демократизации науки в контексте пандемии, а также выявление вызовов, связанных с кризисом экспертного знания.

Методология: в рамках исследования используется комбинированный методологический подход, включающий анализ научной литературы и философскую рефлексию. С целью разобраться в эпистемологических, этических, социальных и биополитических аспектах исследуемой проблематики анализируются актуальные

научные работы, статьи и публикации, связанные с демократизацией науки и кризисом экспертного знания.

Новизна исследования заключается в анализе влияния пандемии COVID-19 на научную сферу и экспертное знание, сфокусированное на аспектах демократизации науки.

Демократизация науки в пандемию COVID-19

Демократизация представляет собой процесс, направленный на достижение прогресса демократии, внедрение ее в определенное сообщество или реализацию внутри него. Основная идея демократии в качестве формы народовластия может быть реализована только через институционализацию власти большинства народа, что предполагает гарантирование прав и свобод каждого гражданина в отношении управления общественной и политической жизнью общества, в котором он живет, а также в отношении управления своей частной жизнью. В соответствии с определением Ч. Тилли, демократизация представляет собой взаимосвязанное движение в сторону более всеобъемлющего, равноправного и обязательного участия граждан в консультативном процессе [Tilly, 2007, p. 14].

Принцип, согласно которому все, кого затрагивает решение, должны иметь право голоса при его принятии, является одной из причин демократизации науки. Наука и основанные на ней технологии могут не только принести большую пользу, но и причинить огромный вред, поскольку они оказывают глубокое и часто неизбежное влияние на жизнь не только ученых, но и всех членов общества. Ученые не могут учитывать интересы всех людей, которых коснется их деятельность. В случае значительного влияния различных социальных групп на науку они смогут защищать и продвигать свои интересы. Таким образом, каждый, кого затрагивает наука, должен иметь право голоса в управлении ею, особенно когда она финансируется государством или когда может нанести ущерб значимым интересам людей [Kitcher, 2011].

Демократизация науки – следствие резкой утраты доверия западного общества к институту науки в 60–70-х годах XX в. Эти кризисные явления совпали с общим эмансипационным движени-

ем общественности против всевозможных, в том числе скрытых, форм власти и технологий господства. Острой критике подвергались многие явления – бесконтрольность политических сфер, различные злоупотребления властью, идеологическая ангажированность культуры, образования, средств массовой информации. Наука, важнейший фактор государственной политики, также попала в поле критики. Общественность выдвинула требование установить строгий контроль над наукой и учеными, что стало импульсом к активному поиску новых форм взаимоотношения науки и общества [Ушаков, 2005].

Главные ценности демократизации науки – расширение доступа к знаниям, научной информации, исследованиям и возможность участия в научных дискуссиях широких масс населения, а не только представителей профессиональных научных сообществ. Таким образом, демократизация науки способствует тому, что общество оказывает значительное влияние на развитие науки и принятие решений.

Демократизация науки включает в себя такие меры, как популяризация науки, открытый доступ к научным публикациям, организация общественных дискуссий на научные темы, вовлечение непрофессионалов в научные исследовательские проекты. Данные процессы актуализируются в современном мире, где наука и технологии играют все более важную роль в повседневной жизни людей и где принятие научных решений имеет серьезные последствия для общества. При этом демократизация науки и демократизация технологий – взаимосвязанные процессы, оказывающие большое влияние друг на друга.

Развитие информационно-коммуникативных технологий (ИКТ), яркий пример демократизации технологий, предоставляет широкой общественности доступ к новым инструментам, позволяющим участвовать в научных исследованиях. Например, доступные компьютерные программы для анализа данных значительно повышают возможности вовлечения большого числа граждан в проведение научных исследований. Демократизация науки, в свою очередь, способствует демократизации технологий, обеспечивая открытый обмен знаниями и результатами исследований, а также помогает создавать технологии, отражающие потребности и интересы общества. Однако, по мнению философа

Ф. Куртулмуса, должно быть строгое разделение труда между обществом и учеными [Kurtulmuş, 2021]. Общество посредством демократического процесса устанавливает социальные цели, а ученые информируют общественность о том, как достичь этих целей, а также о результатах различных направлений действий. Вопросы о целях и ценностях задает общество, а вопросы о средствах и фактах – ученые [Вебер, 1990].

Демократизация науки подразумевает равное перераспределение эпистемологических полномочий между учеными и непрофессионалами, что приводит к демократизации экспертных знаний, стирающих границы между учеными и непрофессионалами путем признания различных форм «непрофессиональной экспертизы» [Solomon, 2009]. Хотя политические соображения не могут быть полностью отделены от эпистемологических, существует политический смысл демократизации науки. В данном смысле демократизация науки – это расширение сферы демократического контроля, включающей различные решения, касающиеся науки. Следовательно, демократизация науки означает усиление влияния общественности на различные аспекты науки, выравнивание возможностей участия и создание условий, позволяющих представителям широких масс населения формировать общественное мнение, основанное на их представлениях, интересах и ценностях. Благодаря этим процессам общество принимает решения о производстве, распространении и применении научных знаний [Kitcher, 2011].

Производство научных знаний основано на принятии решений, касающихся установления приоритетов исследований и распределения ресурсов; решений об эпистемологических и практических целях, которые определяют дизайн экспериментов или исследований. В более широком смысле здесь возникает вопрос о том, насколько необходимыми являются тщательное изучение той или иной проблемы и представленные доказательства, прежде чем научное открытие станет основой общественных действий.

Пандемия COVID-19 оказала глобальное воздействие на все аспекты жизни, включая науку. В этот период демократизация науки стала особенно актуальной, поскольку сотни тысяч исследователей и экспертов во всем мире работали над разными аспектами болезни и методами лечения в условиях неопределенности, и

ускорение научных открытий и их распространение стали жизненно необходимыми.

Одним из примеров демократизации науки в период пандемии COVID-19 является предоставление открытого доступа к научным данным и публикациям. Многие научные журналы и базы данных, такие как PubMed и medRxiv, начали публиковать статьи, посвященные COVID-19, в открытом доступе, что позволило ускорить процесс обмена информацией между исследователями. Кроме того, появилось множество сообществ, таких как COVID-19 Open Research Dataset Challenge и Kaggle, которые открыли доступ к большим объемам данных для научных исследований. В мессенджере Telegram возникло множество групп российских пациентов, которые включились в «народное» исследование вакцинации против коронавирусной инфекции. Они измеряли свои антитела непосредственно после проведенной процедуры и через несколько месяцев. Пациенты описывали побочные эффекты после вакцинации и оценивали ее эффективность.

К августу 2021 г. было опубликовано 330 тыс. научных статей, посвященных COVID-19, с участием 1 млн авторов. Анализ показал, что ученые из каждой из 174 научных дисциплин опубликовали информацию о новой коронавирусной инфекции [The rapid, massive growth ..., 2021]. На первый взгляд, это была беспрецедентная междисциплинарная работа. Однако большая часть этих публикаций оказалась низкого качества, ошибочной и даже вводящей в заблуждение. Причиной этого стала некомпетентность авторов, не имеющих профессиональных знаний. Как справедливо отметил американский политолог Т. Николс: «Мы живем в пост-индустриальном, информационно ориентированном мире, где все граждане считают себя экспертами во всем... мы живем в эпоху, когда ложная информация вытесняет знания» [Николс, 2019, с. 36].

Следует отметить, что в период пандемии время между подачей статьи и принятием решения о ее публикации было значительно сокращено и часто составляло меньше недели, т.е. очевидно, что процесс рецензирования научных статей был нарушен. Между тем известно, что снижение строгости проведения исследований и рецензирования статей может исказить знания о COVID-19 и препятствовать реальному решению проблемы пандемии.

В контексте COVID-19 широко использовались серверы препринтов, которые позволяют быстро передавать и изучать результаты исследований по вопросам эпидемиологии, диагностики, клиники, лечения и профилактики новой коронавирусной инфекции, при этом они не ограничены условными рамками текста или требованиями к полным статьям. Препринты представляют собой предварительные научные работы, размещенные в открытых источниках для свободного доступа специалистов и широкого круга читателей как перед, так и параллельно с подготовкой статьи к публикации в авторитетном журнале. Обычно такие рукописи не проходят тщательную проверку, рецензирование и не получают экспертную оценку [Введенская, 2022, с. 11]. С одной стороны, благодаря этому значительно ускоряется процесс распространения новой информации. Уже через один-два дня после подачи научные работы становятся доступными широкому кругу читателей. Это позволяет быстро распространить результаты исследований и обеспечивает возможность обратной связи и обмена комментариями. С другой стороны, рецензируемые статьи, публикуемые в индексируемых журналах, обычно гарантируют надежность информации, в отличие от информации, представленной в препринтах, которую нельзя считать полностью достоверной. Ее публикация может вызывать проблемы, связанные с доверием и распространением непроверенной информации. Тем не менее, несмотря на значительные риски, связанные с неоцененным распространением информации без экспертной проверки, необходимо признать, что публикация препринтов, не прошедших рецензирование, может способствовать быстрому выявлению преднамеренных и непреднамеренных ошибок и препятствовать распространению исследований низкого качества.

Примером этого является случай отзыва вирусологического исследования с сервера препринтов bioRxiv, в котором неверно утверждалось, что COVID-19 содержит «вставки» ВИЧ [Oransky, Marcus, 2020]. Указанный инцидент демонстрирует ценность открытой экспертной оценки во время чрезвычайных ситуаций, поскольку публикация была немедленно изъята из публичного доступа после критического анализа данных исследования, проведенного многими учеными из разных стран.

Постправда и экспертные знания

В последние годы термин «постправда» привлек большое внимание в публичном дискурсе. Он относится к феномену, когда эмоции, личные убеждения и мнения становятся более влиятельными, чем факты и доказательства, в формировании общественного мнения и принятии решений. Постправда – явление не новое (его описали французские постмодернисты Ж. Бодрийяр в теории симулякров и Ж. Делёз в анализе сингулярной субъективности), однако в настоящее время оно получило новый импульс благодаря развитию социальных сетей и массмедиа, которые непосредственно влияют на повседневное восприятие человеком реальности. «Постправда возникает в результате небывалого проникновения технических и рыночных сил в ткань жизни, из смещения желания и знания» [Будрайтскис, Шурипа, 2019, с. 67].

Феномен постправды влияет на авторитет и легитимность экспертных знаний, которые основаны на тщательных научных исследованиях и эмпирических данных. Требуются годы обучения и образования, чтобы приобрести необходимые навыки и понимание. По мнению Т. Николса, эксперты – это люди, которые знают о конкретном предмете значительно больше, чем все остальные, и к которым обращаются, когда нужна консультация, профессиональная подготовка или принятие решений в определенных сферах знаний [Николс, 2019, с. 58]. Однако в мире постправды экспертов часто игнорируют, если их взгляды не совпадают с убеждениями или ценностями представителей государственных органов власти или влиятельных членов общества. Так, российский врач А.В. Скальный пишет: «В многочисленных дискуссиях и комментариях в СМИ на тему ковида наметилась нехорошая тенденция: с экрана ушли специалисты-инфекционисты, вирусологи, пульмонологи (академики РАН: В.В. Зверев, А.Г. Чучалин, Ю.В. Лобзин, член-корреспондент Н.Н. Филатов, и другие авторитетные ученые), а вместо них в эфире все чаще чиновники от медицины и госуправления, которые по определению не могут критиковать собственные действия...» [Скальный, 2021, с. 80–81].

Постправда подразумевает плюрализм и поляризацию мнений, ситуативность, фрагментарность и потребительский характер истины. Дискредитируя объективность, культура постправды дает

любому автору право на субъективную правду, достоверность которой теперь находится на одном уровне с достоверностью экспертного знания. Постправда проблематизирует сам статус факта и понятия «реальность» и вызывает острое недоверие к официальной информации, сообщениям СМИ, всему, что по своей форме претендует на статус «правды», статус достоверного изображения действительности.

Феномен постправды, усиленный новыми техническими возможностями, присутствует в современной науке в разнообразии точек зрения: каждый может найти себе что-то по своему вкусу и в меру своего понимания. Современная эпоха технологий и коммуникаций, по меткому замечанию Т. Николса, предоставляет беспрецедентные возможности в приобретении знаний, но при этом она потакает людским слабостям и усиливает их. Люди выходят в Интернет не для того, чтобы их неверную информацию исправляли или развенчивали их сокровенные идеи. Скорее они просят своего электронного оракула укрепить их в невежестве [Николс, 2019, с. 178].

Нестандартная интерпретация научных знаний и их непропорциональное применение бросают вызов авторитету ученых. По мнению философа и социолога науки С. Фуллера, это приводит к отвлечению от того мира, «в котором наука все больше считается чем-то важным для жизни людей», от мира, где «источники информации о науке более не ограничиваются научной лабораторией и университетской аудиторией». Результатом такого своевольного понимания науки становится, по его мнению, новый мир науки, который он называет «протонаукой». Этот «дивный» мир, как пишет ученый, «представляет собой наиболее поздний этап секуляризации, на котором наука сама становится мишенью, а не агентом секуляризации» [Фуллер, 2021, с. 202] Граждане теперь вольны «выбирать любую форму научных убеждений, которую они предпочитают, и принимать свое собственное решение, независимо от того, что говорят так называемые эксперты». По справедливому замечанию С. Фуллера, «сегодня от новых вызовов и альтернатив экспертному мнению по практически любой теме нас обычно отделяет лишь несколько нажатий клавиш» [Фуллер, 2021, с. 149].

Разногласия в экспертном сообществе, как и распространение поверхностных знаний, обусловленное массовым доступом к

различной информации, приводят к релятивизации экспертного знания и уравниванию его авторитетности с авторитетностью альтернативных источников суждений в общественном сознании. Сторонники альтернативных официальному мнений также часто опираются на мнения экспертов-профессионалов, имеющих научные степени и звания [Мартьянов, Руденко, Фишман, 2022].

Пандемия COVID-19 в эпоху постправды породила настоящую инфодемию (информационную эпидемию), характеризующуюся переизбытком не только точной, но и недостоверной информации, провоцируя появление панических настроений в обществе. Инфодемия, по справедливому замечанию отечественных социологов А.А. Раренко и В.О. Воронцовой, препятствовала поиску заслуживающих доверия информационных источников, затрудняла доступ к проверенной информации и не позволяла разграничивать достоверную и недостоверную информацию [Раренко, Воронцова, 2021, с. 96]. В инфодемии оказались вовлечены не только журналисты ведущих мировых изданий и интернет-ресурсов, но и некоторые представители медицинского сообщества, нарушившие принципы научной добросовестности [Введенская, 2022, с. 15].

В период пандемии в медицинских журналах появилось множество статей, в которых приводились выводы относительно эффективности и безопасности вакцин против COVID-19, в то время как статьи, в которых эти выводы подвергались критике, снимались с публикации. Известно несколько случаев, когда всемирно известные фармацевтические компании, производящие вакцины против новой коронавирусной инфекции, оказывали давление на владельцев научных журналов [Kennedy, 2021, р. 24–32].

Феномен постправды привел к кризису научной добросовестности в пандемию новой коронавирусной инфекции, о чем, в частности, свидетельствовали врачи и ученые-медики, участвующие в Глобальном саммите по COVID-19. Следствием научной недобросовестности, по их мнению, стала реализация «катастрофической» политики общественного здравоохранения в отношении COVID-19, являющейся кульминацией коррумпированного медицинского альянса фармацевтических, страховых и медицинских учреждений. Этот альянс контролировал проведение обширных исследований новой инфекции и методов ее лечения, их

освещение в СМИ, деятельность научных и исследовательских учреждений, участвовавших в этом «организованном бедствии». В декларации саммита, подписанной 17 тыс. врачей и ученых-медиков, содержатся положения против проведения экспериментальной генетической терапии COVID-19, препятствования врачам в оказании жизненно важной медицинской помощи, а также против эффективности использования медицинских масок в профилактических целях [Declaration IV – Restore Scientific Integrity, 2022].

Таким образом, феномен постправды имеет серьезные последствия для общества, он приводит к распространению дезинформации, подрывающей общественное доверие к институтам и науке. В обществе, в котором нет единого мнения о том, что правда, а что ложь, сама идея научной экспертизы становится подозрительной.

Кризис экспертного знания в период пандемии

Пандемия повысила спрос на экспертов не только в качестве советников для политиков, принимающих решения, но и в качестве коммуникаторов, информирующих общество. Это способствовало беспрецедентному усилению влияния вирусологов и эпидемиологов на общественное мнение и биополитику. Одна из главных задач биополитической власти, по Фуко, – воспроизводство населения – включает вопросы рождаемости, смертности, роста населения, продолжительности жизни, а также вопросы заболеваемости (эпидемии и болезни) и доступности распространения медицинских услуг. Биополитическая власть ориентирована прежде всего на разработку регулирующих механизмов, направленных на создание условий безопасной жизни населения [Введенская, 2020].

Политолог В. Федорцов обратил внимание на происходящую повсеместно смену власти в условиях пандемии: «В европейских странах этот процесс уже завершился. Если вы думаете, что там все еще управляют политики, то сильно ошибаетесь. К власти пришли врачи» [Федорцов, 2020]. Одновременно с этим произошла «сциентизация политики», повлекшая за собой «политизацию науки». Экспертные знания нужны для того, чтобы рационализировать и узаконить политические решения – решения, которые

обязательно «приносят пользу одним группам и ставят в невыгодное положение другие» [Eyal, 2020].

Стремительно распространяющийся опасный вирус, от которого еще не найдены эффективные средства защиты, заставлял государственные институты действовать, убеждать общество, что ситуация под контролем, а власти принимают необходимые меры. Однако зачастую меры, принимаемые в большинстве развитых и развивающихся стран, демонстрировали нелогичность и нецелесообразность, подрывали доверие к экспертному мнению, на которое опирались политики в принятии непопулярных решений. По мнению политолога Г. Кузнецова, «...в мерах, принимаемых “в ответ на угрозу”, нет логики, за ними не стоит устойчивая и консистентная объяснительная модель, нет никаких фундаментальных и неоспариваемых научных знаний, которые могли бы объяснить и оправдать смысл и целесообразность этих действий в такой интенсивности. Сами меры, как будто оправданные наукой, в реальности являются плодом компромиссов разного рода “интересов” – от санитарных до политических и коррупционных» [Кузнецов, 2020, с. 194].

Карантин первоначально пользовался очень широкой общественной поддержкой [Washington Post-Ipsos, 2020], но, по мере того как он продолжался второй и третий месяцы и по мере того как все более ограничивались другие виды медицинской помощи пациентам без ковида, эта радикальная мера и рекомендации экспертов, на которых она основывалась, стали источником народного недовольства и кризиса экспертного знания, обострившего антипатию к навязчивому государственному регулированию.

Кризис экспертного знания возник из-за огромного разрыва между знанием, которое люди получают благодаря здравому смыслу и личному опыту, и знанием, предоставляемым экспертными моделями и прогнозами. Этот эпистемологический пробел порождает, по словам философа Р. Брубакера, эмпирический вызов экспертности [Brubaker, 2021], свидетельствующий о популизме, для которого характерно опираться на здравый смысл и конкретный личный опыт и с подозрением относиться к абстрактным и далеким от опыта формам знания. Ситуация с коронавирусом продемонстрировала рост популизма. Крайняя неравномерность распространения пандемии в географическом и социальном про-

странстве создала огромное несоответствие между личным опытом (например, люди видели в своем окружении небольшое количество заболеваний, меньшее количество смертей и пустые больницы) и ужасной картиной в первых горячих точках или устрашающими прогнозами для страны в целом [Brubaker, 2021].

Эпистемологический разрыв между местным опытом и экспертными знаниями имеет временной аспект, поскольку эпидемиологическое время – это экспоненциальное время. Учитывая легко передаваемый патоген и высокую эффективную численность размножения вирусных частиц, даже небольшая вспышка заболевания может быстро превратиться в катастрофу. Срочность предупреждений экспертов и аргументы в пользу строгого дистанцирования зависели от этой экспоненциальной временности. Первоначально предупреждения были восприняты всерьез, но, поскольку карантин приостановил экспоненциальный темп, прогнозируемая катастрофа так и не произошла. Случилось то, что иногда называют парадоксом предотвращения: если меры, принятые для предотвращения исхода, успешны, они ретроспективно могут рассматриваться как ненужные [Brubaker, 2021]. Здесь мы видим, что разрыв между субъективным опытом и прогнозами экспертов вызвал подозрения и недоверие к экспертным знаниям.

Другим фактором, вызывающим кризис экспертного знания, является сверхдоступность экспертных знаний. Эксперты не просто консультировали правительства, а обращались к общественности, заручившись поддержкой мер социального дистанцирования. Как только эпидемиологические знания доводятся до сведения общественности, они рекурсивно входят в социально-медицинскую реальность, которую стремятся охватить эпидемиологические модели. Эксперты обращались к общественности через все доступные им средства: публикации в журналах, интервью, подкасты и посты в социальных сетях. Их взгляды, наряду с упрощенными отчетами журналистов об этих взглядах, с высокой скоростью распространялись (часто во фрагментированной и искаженной форме) легионами активных в цифровой среде профессионалов [Brubaker, 2021].

Следствием сверхдоступности, переизбытка знаний, исследований и данных, связанных с COVID-19, является распространение средств оценки экспертных знаний. Информация, доступная в

цифровой публичной среде, – это не только содержание экспертного заключения, но и доказательства, которые поддерживают или опровергают его. Например, легко привести исследования и цифры, которые свидетельствуют о том, что COVID-19 гораздо менее опасен, чем утверждали «эксперты», на самом деле не более опасен, чем сезонный грипп. В то же время сверхдоступность и переизбыток экспертных знаний и исследований позволяют сделать противоположный вывод. В обоих случаях доверие экспертным знаниям может оказаться подорванным.

Пандемия COVID-19 продемонстрировала легкость получения экспертных знаний или, по крайней мере, проведение квази-экспертизы. Появилось множество псевдоэкспертов и непрофессионалов-экспертов. Так, один из известных американских скептиков карантина писал: «У меня достаточно опыта в понимании распространения вируса, того, как все растет, и данных... Данные есть данные. Наше внимание здесь сосредоточено не на лечении, а на цифрах. Вам не нужна специальная степень, чтобы понять, о чем говорят данные, а о чем нет. Числа универсальны» [Ginn, 2020].

Критикуя деятельность псевдоэкспертов, следует отметить, что и сами эксперты допускают ошибки, связанные, по мнению Т. Николса, с неправильной трактовкой важных вопросов и ограниченностью знаний в конкретной области; с применением своего опыта за рамками профессиональной сферы и с откровенным жульничеством, злоупотреблением служебным положением [Николс, 2019].

Партисипативный вызов экспертным знаниям – часть более широкого «поворота к партисипативности» в политике, культуре и обществе [Mede, Schäfer, 2020] – уходит корнями в долгосрочные изменения в политике знания. Понятие «партисипация» (от лат. *participatio* – участие) было введено в научный обиход антропологом Леви Брюлем. В культурологии партисипация понимается как желание почувствовать себя частью социума, а также как снятие субъект-объектных отношений и замена их на субъект-субъектные, результатом которых является достижение единства партнеров по общению во время взаимодействия.

В контексте вызова экспертным знаниям тренд на партисипативность отражает изменяющиеся ожидания и потребности людей, которые хотят иметь возможность выражать свое мнение,

участвовать в принятии решений и оказывать влияние на результаты. С развитием информационных технологий люди получают больше возможностей для активного участия в общественных и научных процессах. Социальные медиа, интернет-платформы и другие средства коммуникации позволяют людям высказывать свое мнение, обмениваться информацией и оказывать влияние на принимаемые решения. Однако здесь может быть обнаружен потенциальный конфликт между стремлением масс к участию и желанием контролировать все аспекты принятия решения без необходимости нести ответственность. Некоторые люди могут использовать ИКТ для выражения своего мнения и участия в процессе, но не желать принимать ответственность за итоговые результаты или нести бремя реального участия.

В то время как общество стремится к партисипативности, эксперты, образованные элиты, по словам Т. Николса, все больше отдаляются от рядовых граждан, предпочитая общаться исключительно между собой. Таким образом, эксперты замыкаются в своем профессиональном сообществе, что вызывает значительное снижение эпистемологического уважения обывателей к их знаниям, а это, в свою очередь, приводит к повышению ценности различных форм непрофессиональной экспертизы (Epstein, 1995 ; Callon, 1999 ; Prior, 2003).

Заключение

Демократизация науки привела к кризису экспертного знания, который носит системный характер. Это – результат не только проблемы участия широкой общественности в продуцировании и распространении знаний, но и проблемы неизбежной политизации экспертных знаний. Дело не только в том, что «нормальная наука» не может справиться с ситуацией, в которой «факты неопределены, ставки высоки, ценности спорны, а решения срочны» [Post-normal randemics ..., 2020]. Восприятие людьми окружающего мира и их поведение в нем в значительной степени определяются когнитивными процессами, включающими в себя знания и убеждения. Таким образом, реальность, в которой живет человек, часто является результатом его субъективных интерпретаций. Экспертное знание тоже не всегда является объективным. Эксперты могут

Пандемия COVID-19: демократизация науки и кризис экспертного знания

иметь собственные убеждения, предпочтения и интересы, в том числе финансовые, которые влияют на их рекомендации. Сама концепция истины, как замечал в своих работах неопрагматист Р. Рорти, оказывается встроенной в социальный, исторический и политический контексты, свидетельствуя о том, что не существует нейтральной точки зрения, с которой можно было бы оценивать притязания на знание. В результате научная экспертиза становится не объективным источником власти, а просто еще одной формой власти.

Пандемия показала, что медицинский, экономический, политический и эпистемологический кризисы оказываются взаимодействующими и взаимопроникающими. Будущее течение пандемии зависит от многих сложных взаимодействующих процессов. Среди них следует отметить формирование хаотичных и меняющихся публичных сообщений, встроенных в поляризованную медиаэко-систему и бросающих вызов экспертным знаниям, а также оказывающих биополитическое и социальное давление на разные слои общества.

Список литературы

- Будрайтскис И., Шурипа С. Постправа – истина на рынке // Художественный журнал. – 2019. – № 109. – С. 65–73.
- Введенская Е.В. «Пандемия публикаций»: проблемы добросовестности в науке // Научно-исследовательские исследования. – 2022. – № 4. – С. 7–28.
- Введенская Е.В. Коронавирус: биополитический аспект пандемии // Медицинская этика. – 2020. – № 2. – С. 74–78.
- Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избранные произведения. – Москва: Прогресс, 1990. – С. 345–416.
- Кузнецов Г. Реституция власти: пандемия, экспертократия и новая политическая реальность // Прощай, COVID? / под. ред. К. Гаазе [и др.]. – Москва: Издательство института Гайдара, 2020. – С. 193–216.
- Мартьянов В.С., Руденко В.Н., Фишман Л.Г. Пандемия коронавируса и кризис экспертного знания: перезагрузка чуда, тайны и авторитетов // Journal of Institutional Studies. – 2022. – Т. 14, N 2. – С. 47–58.
- Николс Т. Смерть экспертизы: как Интернет убивает научные знания. – Москва: Эксмо, 2019. – 368 с.
- Раренко А.А., Воронцова В.О. Инфодемия в условиях пандемии COVID-19 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. – 2021. – № 2. – С. 94–104.

Скальный А.В. Записки философствующего врача. МОР? Философия ко-ронокриза и микроэлементы. – Москва : Вече, 2021. – 192 с.

Ушаков Е.В. Введение в философию и методологию науки. – Москва : Эк-замен, 2005. – 528 с.

Федорцев В. Власть в мире перешла к врачам // Взгляд. Деловая газета. – 2020. – 28 марта. – URL: <https://vz.ru/opinions/2020/3/28/1030617.html> (дата обра-щения: 12.04.2023).

Фуллер С. Постправда : знание как борьба за власть. – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. – 368 с.

Brubaker R. Paradoxes of populism during the pandemic // Thesis Eleven. Crit-ical theory and historical sociology. – 2021. – Vol. 164, N 1. – P. 73–87. – URL: <https://doi.org/10.1177/0725513620970804> (date of access: 14.04.2023).

Callon M. The role of lay people in the production and dissemination of scien-tific knowledge // Science, Technology and Society. – 1999. – Vol. 4, N 1. – P. 81–94.

Declaration IV – restore scientific integrity [Electronic resource] // Global COVID summit. – 2022. – May 11. – URL: <https://globalcovids Summit.org/news/declaration-iv-restore-scientific-integrity> (date of access: 10.11.2022).

Epstein S. The construction of lay expertise : AIDS activism and the forging of credibility in the reform of clinical trials // Science, Technology, & Human Values. – 1995. – Vol. 20, N 4. – P. 408–437.

Eyal G. COVID-19 is a make or break moment for U.S. experts [Electronic re-source] // Contexts. Sociology for the public (Blog). – 2020. – 6 April. – URL: <https://contexts.org/blog/structural-shocks-and-extreme-exposures/> (date of access: 14.04.2023).

Ginn A. COVID-19 – Evidence over hysteria [Electronic resource] // Zero Hedge. – 2020. – 21 March. – URL: <https://www.zerohedge.com/health/covid-19-evidence-over-hysteria> (date of access: 14.04.2023).

Kennedy R., Jr. The real Anthony Fauci. Bill Gates, Big Pharma, and the Glob-al War on Democracy and Public Health. – New York : Skyhorse Publishing, 2021. – 897 p.

Kitcher P. Science in a democratic society. – Amherst ; New York : Prometheus Books, 2011. – 272 p.

Kurtulmuş F. The democratization of science // Global epistemologies and phi-losophies of science / Ludwig D. [et al.] (eds.). – London, UK : Routledge, 2021. – P. 145–154.

Mede N.G., Schäfer M.S. Science-related populism : Conceptualizing populist demands toward science // Public Understanding of Science. – 2020. – Vol. 29, N 5. – P. 473–491.

Oransky I., Marcus A. Quick retraction of a faulty coronavirus paper was a good moment for science [Electronic resource] // Stat. – 2020. – Feb. 3. – URL: <https://www.statnews.com/2020/02/03/retraction-faulty-coronavirus-paper-good-moment-for-science/> (date of access: 10.11.2022).

Post-normal pandemics: Why COVID-19 requires a new approach to science [Electronic resource] / Waltner-Toews D. [et al.] // STEPS Centre. – 2020. – 25 March. –

Пандемия COVID-19: демократизация науки и кризис экспертного знания

URL: <https://steps-centre.org/blog/postnormal-pandemics-why-covid-19-requires-a-new-approach-to-science/> (date of access: 20.04.2023).

Prior L. Belief, knowledge and expertise : the emergence of the lay expert in medical sociology // *Sociology of health & illness*. – 2003. – Vol. 25, N 3. – P. 41–57.

Ray R., Rojas F. Structural shocks and extreme exposures [Electronic resource] // *Contexts. Sociology for the public (Blog)*. – 2020. – 6 April. – URL: <https://contexts.org/blog/structural-shocks-and-extreme-exposures/> (date of access: 14.04.2023).

Solomon S. Stakeholders or experts? On the ambiguous implications of public participation in science // *The Social Sciences and Democracy / Bouwel J., van (ed.)*. – London : Palgrave Macmillan, 2009. – P. 39–61.

The rapid, massive growth of COVID-19 authors in the scientific literature / Ioannidis J.P.A., Salholz-Hillel M., Boyack K.W., Baas J. // *Royal Society Open Science*. – 2021. – Vol. 8, N 9, Article 210389.

Tilly Ch. *Democracy*. – New York : Cambridge, 2007. – 234 p.

Washington Post-Ipsos coronavirus employment survey. Online poll: April 27, 2020 – May 4, 2020 // *The Washington Post-Ipsos Knowledge Panel, Poll, May*. – URL: <https://context-cdn.washingtonpost.com/notes/prod/default/documents/7a39185f-8222-4e28-9528-5741ebb137ad/note/18ba2687-26bf-46ba-bd52-fad38afc4000.#page=1> (date of access: 10.04.2023).

References

Brubaker R. (2021). Paradoxes of populism during the pandemic. *Thesis Eleven. Critical theory and historical sociology*. Vol. 164, N 1, pp. 73–87. URL: <https://doi.org/10.1177/0725513620970804> (date of access: 14.04.2023).

Budraitskis I., Shuripa S. (2019). Post-truth – truth in the market. *Art magazine*. N 109, pp. 65–73 (in Russ.).

Callon M. (1999). The role of lay people in the production and dissemination of scientific knowledge. *Science, Technology and Society*. Vol. 4, N 1, pp. 81–94.

Declaration IV – restore scientific integrity (2022) [Electronic resource]. *Global COVID summit*. May 11. URL: <https://globalcovids Summit.org/news/declaration-iv-restore-scientific-integrity> (date of access: 10.11.2022).

Epstein S. (1995). The construction of lay expertise: AIDS activism and the forging of credibility in the reform of clinical trials. *Science, Technology, & Human Values*. Vol. 20, N 4, pp. 408–437.

Eyal G. (2020). COVID-19 is a make or break moment for U.S. experts [Electronic resource]. *Contexts. Sociology for the public (Blog)*. 6 April. URL: <https://contexts.org/blog/structural-shocks-and-extreme-exposures/> (date of access: 14.04.2023).

Fedortsev V. (2020). Power in the world has passed to doctors. *Vzglyad. Business newspaper*. March 28. URL: <https://vz.ru/opinions/2020/3/28/1030617.html> (date of access: 04/12/2023). (In Russ.)

Fuller S. (2021). *Post-Truth. Knowledge as a Power Game*. Moscow: Ed. house of the Higher School of Economics. 368 p. (In Russ.)

Ginn A. (2020). COVID-19 – Evidence over hysteria [Electronic resource]. *Zero Hedge*. 21 March. URL: <https://www.zerohedge.com/health/covid-19-evidence-over-hysteria> (date of access: 14.04.2023).

Ioannidis J.P.A., Salholz-Hillel M., Boyack K.W., Baas J. (2021). The rapid, massive growth of COVID-19 authors in the scientific literature. *Royal Society Open Science*. Vol. 8, N 9, Article 210389.

Kennedy R., Jr. (2021). The real Anthony Fauci. Bill Gates, Big Pharma, and the Global War on Democracy and Public Health. New York : Skyhorse Publishing, 897 p.

Kitcher P. (2011). *Science in a democratic society*. Amherst, New York : Prometheus Books, 272 p.

Kurtulmuş F. The democratization of science. In: Global epistemologies and philosophies of science (2021). Ludwig D. [et al.] (eds.). London, UK : Routledge, pp. 145–154.

Kuznetsov G. Restitution of power: pandemic, expertocracy and new political reality // *Farewell, COVID?* (2020) / Under. ed. K. Haase [et al.]. Moscow: Gaidar Institute Publishing House. P. 193–216. (In Russ.)

Martyanov V.S., Rudenko V.N., Fishman L.G. (2022). The Coronavirus Pandemic and the Crisis of Expertise: Rebooting Miracle, Mystery, and Authority. *Journal of Institutional Studies*. Vol. 14, No. 2, pp. 47–58. (In Russ.)

Mede N.G., Schäfer M.S. (2020). Science-related populism : Conceptualizing populist demands toward science. *Public Understanding of Science*. Vol. 29, N 5, pp. 473–491.

Nichols T. (2019). *The Death of Expertise: How the Internet is Killing Scientific Knowledge*. Moscow: Eksmo, 368 p. (In Russ.)

Oransky I., Marcus A. (2020). Quick retraction of a faulty coronavirus paper was a good moment for science [Electronic resource]. Stat. Feb. 3. URL: <https://www.statnews.com/2020/02/03/retraction-faulty-coronavirus-paper-good-moment-for-science/> (date of access: 10.11.2022).

Post-normal pandemics: Why COVID-19 requires a new approach to science (2020). [Electronic resource]. Waltner-Toews D. [et al.]. STEPS Centre. 25 March. URL: <https://steps-centre.org/blog/postnormal-pandemics-why-covid-19-requires-a-new-approach-to-science/> (date of access: 20.04.2023).

Prior L. (2003). Belief, knowledge and expertise : the emergence of the lay expert in medical sociology. *Sociology of health & illness*. Vol. 25, N 3, pp. 41–57.

Rarenko A.A., Vorontsova V.O. (2021). Infodemic in the context of the COVID-19 pandemic // *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 11: Sociology*. No. 2, pp. 94–104. (In Russ.)

Ray R., Rojas F. (2020). Structural shocks and extreme exposures [Electronic resource]. Contexts. Sociology for the public (Blog). 6 April. URL: <https://contexts.org/blog/structural-shocks-and-extreme-exposures/> (date of access: 14.04.2023).

Skalny A.V. (2021). *Notes of a Philosophical Doctor. MOR? Philosophy of coronocrisis and microelements*. Moscow: Veche. 192 p. (In Russ.)

**Пандемия COVID-19: демократизация науки
и кризис экспертного знания**

Solomon S. (2009). Stakeholders or experts? On the ambiguous implications of public participation in science. In: *The Social Sciences and Democracy*. Bouwel J., van (ed.). London : Palgrave Macmillan, pp. 39–61.

Tilly Ch. (2007). *Democracy*. New York : Cambridge, 234 p.

Ushakov E.V. (2005). *Introduction to philosophy and methodology of science*. Moscow: Exam. 528 p. (In Russ.)

Vvedenskaya E.V. (2020). Coronavirus: biopolitical aspect of the pandemic. *Medical ethics*. No. 2, pp. 74–78. (In Russ.)

Vvedenskaya E.V. (2022). «Pandemic of publications»: problems of conscientiousness in science. *Naukovedcheskie issledovaniya*. No. 4, pp. 7–28. (In Russ.)

Washington Post-Ipsos coronavirus employment survey. Online poll: April 27, 2020 – May 4, 2020 // The Washington Post-Ipsos Knowledge Panel, Poll, May. – URL: <https://context-cdn.washingtonpost.com/notes/prod/default/documents/7a39185f-8222-4e28-9528-5741ebb137ad/note/18ba2687-26bf-46ba-bd52-fad38afc4000.#page=1> (date of access: 10.04.2023).

Weber M. (1990). «Objectivity» of social-scientific and socio-political knowledge. In: Weber M. *Selected works*. Moscow: Progress. Pp. 345–416. (In Russ.)